

В. В. Оточкин (Санкт-Петербург)

ВОЕННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАЗНАЧЕНИЯ П. И. ШУВАЛОВА НА ПОСТ ГЕНЕРАЛ- ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРА РУССКОЙ АРМИИ

В НАИБОЛЕЕ АКТИВНЫЕ годы своей военной деятельности Пётр Иванович Шувалов (1711—1762) внёс большой вклад в развитие артиллерии и инженерных войск во время Семилетней войны (1756—1763 гг.). Но что он совершил прежде его назначения на должность генерал-фельдцейхмейстера, с начала 20-х до середины 50-х гг. XVIII в., кроме участия в создании «секретной гаубицы» и единорога?

Генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов и его брат А. И. Шувалов не находились «ни в одном сражении», как отмечал Д. Н. Бантыш-Каменский¹. Но во главе артиллерии и инженерных войск на всех этапах Семилетней войны П. И. Шувалов, наряду с реорганизацией управления и подготовки офицерских кадров, занимался всесторонним обеспечением и обучением подчинённых родов войск, провёл мероприятия в артиллерии, названные «шуваловскими реформами».

Братья Александр и Пётр Шуваловы началу своей военно-придворной карьеры были обязаны отцу — обер-коменданту Выборга бригадиру Ивану Максимовичу Шувалову. В 1723 г. братья Шуваловы были определены пажами к будущей императрице Екатерине.

Пример военной службы отца и возможность определить сыновей пажами ко двору сыграли большую роль в карьере Петра Шувалова как будущего военного деятеля, в понимании им вопросов придворной службы. Историки Пажеского корпуса определяли пажескую службу как военно-придворную от учреждения в 1711 г. корпуса пажей, назначавшихся для службы на половине двора Екатерины. В описании церемонии коронации

императрицы Екатерины в 1724 г. Ф. Берхгольцем отмечено участие в ритуале церемониймейстера И. М. Шувалова во главе представителей провинций и генералитета. Здесь же «12 пажей императрицы, все в зелёных бархатных кафтанах, парчовых камзолах... в белокурых париках и с белыми перьями на шляпах», среди которых братья Александр и Пётр Шуваловы. Для «типичных пажей» Шуваловых пажеская служба была не только привилегией, но и ответственностью. Когда корпус пажей двора стал военно-учебным заведением, то подготовка его выпускников оценивалась высоко, а служба пажей приравнивалась к военно-придворной².

Зачастую начало военной карьеры П. И. Шувалова относят к службе в Лейб-компании, преобразованной из гренадерской роты Преображенского полка за поддержание восхождения Елизаветы на российский императорский престол. Продолжая службу при дворе в чине камергера, он получает звание подпоручика Лейб-компании, приравненное к званию генерал-майора. В Указе 31 декабря 1741 г. о создании Лейб-компании, воздавая дань гвардейцам за оказанную поддержку при восхождении на престол, императрица Елизавета Петровна в виде пожалования унтер-офицеров и рядовых той роты дворянами с потомством, особых гербов, поместий, денежных окладов, определила и соотношение званий Лейб-компании с армейскими³.

Ранги против армейских	Чины	Число
Генерала полного	Капитана-поручика	1
Генерал-лейтенанта	Поручиков	2
Генерал-майора	Подпоручиков	2

Но выписка из Указа не давала оснований для утверждения, что П. И. Шувалов получил одновременно звание подпоручика Лейб-компании и генерал-майора. Существовавшая в русской армии система соотнесения офицерских и генеральских званий гвардейских и армейских частей учитывалась при переводе из частей гвардии в армию с соответствующим чином. Соответствие ряда придворных, гвардейских и армейских званий дало основание для упоминания о том, что первыми званиями П. И. Шувалова были звания подпоручика и генерал-майора. В своей военной карьере Шуваловы миновали многие ступени обер- и штаб-офицерских званий. Но получая звание генерал-поручика по армейскому рангу, П. Шувалов оставался в течение последующего времени

подпоручиком Лейб-компания, что присутствовало в перечислении его званий и чинов в официальных документах.

В 1742 г. во время коронации Елизаветы Петровны в Москве мы видим примеры непосредственного выполнения Лейб-компания подпоручиком П. И. Шуваловым обязанностей по командованию взводом гренадеров. В плане церемониала коронования записано: «где спешая с коней маршируют на площадку, что у Золотой решётки, оставя тут при подпоручице господине Шувалове с надлежащим числом унтер-офицеров и рядовых половину, другую половину ведёт к покоям Ея Императорского Величества на потешный двор... к сопровождению императорских регалий в аудиенц-камеру капрал 1, рядовых 12 человек»⁴. Участие подпоручиков Лейб-компания Шуваловых в церемонии коронования отмечалось в Камер-фурьерском журнале. За императорской каретой «следовала опять команда Лейб-компания в 40 человек с их унтер-офицерами под командою той Лейб-компания господина подпоручика... Петра Шувалова». При следовании к церкви Успения Пресвятой Богородицы П. И. Шувалов вёл своих гренадеров, которые шли «по три рядом и, дошед до церкви, не входя в оную, остановились по обе стороны пути», образовав коридор для прохождения императрицы Елизаветы⁵.

Хотя в дальнейшем значение Лейб-компания снижалось и ее роль сводилась лишь к участию в парадах и караульной службе во дворцах, в других церемониалах двора, но для подпоручика Петра Шувалова это — страница его военной биографии.

К первому знакомству с военно-стратегическими вопросами П. И. Шувалов обратился с назначением 27 июля 1744 г. к присутствию в Правительствующем Сенате, в ведении которого находилось обеспечение регулярной армии.

Протоколы заседаний Сената показывают, что немаловажное место в его деятельности занимали вопросы комплектования армии, контроля за проведением рекрутских наборов, подготовки и расстановки военных кадров, создания новых образцов вооружения, дислокации войск, охраны границ, заготовки провианта, фуража, обмундирования. П. И. Шувалов не формально, а реально участвовал в заседаниях Сената. Проекты, поданные им в 1740—1750-е гг., принесли ему известность как «прожектёру», — остались в истории, отмечены как современниками, так и историками⁶.

В 1744 г. очередной ступенью военной карьеры стало получение звания генерал-поручика (генерал-лейтенанта — в некоторых документах. — В. О.). Уже в 1746 г. П. И. Шувалов участвовал при рассмотрении военных вопросов в собрании генералитета, обсуждавшего «доклады и мнения о мерах против Прусского короля Фридриха II». В 1747—1748 гг. он представлял проекты указов о рекрутском наборе и увеличении численности армии в связи с подготовкой похода корпуса генерал-фельдцейхмейстера В. А. Репнина в Австрию⁷.

5 сентября 1751 г. П. И. Шувалов был назначен генерал-адъютантом императрицы Елизаветы Петровны. Эта должность сыграла не последнюю роль в его становлении как военного деятеля, в расширении военного кругозора, в решении задач по управлению частями гарнизона столицы и пригородов в различных ситуациях.

Дежурство по дворцу было одним из многих направлений деятельности генерал-адъютантов, сходных с исполнением обязанностей коменданта гарнизона более позднего времени. Выполнение П. И. Шуваловым обязанностей дежурного генерал-адъютанта можно проследить по делам фонда 439 Российского Государственного исторического архива «Журналы дежурных генерал-адъютантов и высочайшие приказы, отдаваемые при пароле» и по их частичной публикации Л. В. Евдокимовым. Записи за 1748—1751 гг. дали возможность раскрыть особенности организации службы в гарнизоне, изучить страницы военной жизни того времени, деятельность дежурных генерал-адъютантов и самого П. И. Шувалова в период дежурств⁸.

П. И. Шувалов назначен генерал-адъютантом, когда дежурства были приведены в систему. Первоначально они продолжались по 2—4 дня, а с сентября 1748 г. — по неделе с записью: «Дежурство генерал-адъютанта и кавалера графа П. И. Шувалова». Сдача дежурства определялась личной подписью: «генерал-адъютант граф П. И. Шувалов» или «П. Шувалов». Первое его дежурство продолжалось с 25 сентября по 9 октября 1748 г. и осталось без подписи.

Обязанности дежурного генерал-адъютанта включали: контроль над дворцовыми церемониями, перемещением двора и войск в Петербурге и пригородах; организацию караульной службы, инструктажи караулов; контроль несения службы и смены караулов; поддержание порядка среди военнослужащих, а при необходимости и решение вопросов, связанных с экстремальными

ситуациями, требующими участия войск. Особо контролировались выезды императрицы в течение дня, а в периоды выезда двора на длительное время записи о дежурствах велись в походных журналах. В журналах находим примеры указаний дежурных генерал-адъютантов по обеспечению поездки императрицы: «командировать для караула Ея Императорского Величества в Дальние Дубки при Сестрорецких заводах сержанта одного, капралов 2, барабанщика 1, рядовых 30» или «прежде отсутствия Ея Императорского Величества при одном унтер-офицере командировать команду, состоящую в 20 человек». Дежурные генерал-адъютанты сами сносились с губернскими и уездными канцеляриями по подготовке выездов двора: «дорогу к Воскресенскому монастырю поправить и где косогоры — сравнять, а мосты худые вновь сделать или починить, чтоб 2 сентября совершенная готовность была».

В числе обязанностей дежурных генерал-адъютантов были организация и обеспечение гарнизонных мероприятий: парады, похороны высших военных чинов, маскарады, свадьбы, спектакли с участием императрицы и двора. В полки отправлялись распоряжения: «армейских полков обер-офицеров пропускать в галерею, токмо накрепко того смотреть, дабы оные были во всякой приличествующей по их офицерской чести чистоте и убранстве, а ежели кто не убран, в разодранном платье или не в состоянии (нетрезвым. — В. О.) придёт, таковых не пропускать без поблажек». 23 октября 1750 г. в дежурном журнале к записи о маскараде П. И. Шувалов сделал приписку: «без масок женщины — в мужском ординарном платье, мужчины — в женском»⁹.

П. И. Шувалов отдавал приказания и по артиллерийским вопросам: «от полков гвардии 20 пушек с довольным числом картузов пороху поставить на Смольном Ея Императорского Величества дворе... для принятия приказов явиться у дежурного Ея Императорского Величества генерал-адъютанта». По окончании военных парадов делалась роспись участия войск: «гвардии 5800, полевых полков 11 267 человек, да Санкт-Петербургского гарнизона 1215. Всего 18 282. ...салют в 31 выстрел с Санкт-Петербургской крепости и Адмиралтейства и из ружей беглым огнём».

Наиболее ответственной частью дежурства была организация в гарнизоне караульной службы полками гвардии и Лейб-компанией. Численность личного состава караулов для того времени была значительной. По реестру караулов несли

службу в Зимнем дворце 292, в старом и новом летних дворцах 150, в Правительствующем Сенате 21, в Цалмейстерской (контуре, ведавшей хозяйственными вопросами и жалованием служителям двора. — *В. О.*), у корон, у соборей, у пожарных труб — 40 человек. Всего в составе караулов находились более 500 человек, и в задачи дежурного генерал-адъютанта входил контроль над их службой и сменой.

В период нахождения двора в Москве с сентября 1748 по декабрь 1750 г. начальникам караулов была подготовлена инструкция за подписью генерал-адъютанта. Она содержала определение отношений подчинённости начальников караулов дежурным генерал-адъютантам. Дежурный генерал-адъютант давал команду на «сбор» (общее построение. — *В. О.*) всех частей, определял время и порядок смены караула со знаменем, принимал рапорты в случае пожара, наводнения или иной экстренной ситуации, лично разрешал начальнику караула вынос вещей из дворца, присутствовал на разводах караулов, принимал доклады о смене караулов. В случае недостатков при несении службы караулов, отмеченных императрицей, дежурным генерал-адъютантом делалась запись о распоряжениях по их устранению. Так, на замечание об уходе с постов обер- и унтер-офицеров сделано распоряжение дежурного генерал-адъютанта: «1е) стоящих на караулах солдат содержать в чистоте и опрятности, и чтоб оные были во всякой трезвости; 2е) ружья иметь заряжённые; 3е) часовых разводить капралам и самим собою не сменяться; 11е) наиприлежнейше смотреть, чтоб не могли быть допущены паче чаяния до Ея Императорского Величества челобитчики»¹⁰.

Генерал-адъютанты служили императрице не только для управления частями гарнизона и контроля над несением караульной службы. Они были лицами, которые доводили повеления Елизаветы Петровны до Правительствующего Сената, Военной и других коллегий, до должностных лиц. В Сенате в 40—50-х гг. XVIII в. эти поручения выполнялись в первую очередь П. И. Шуваловым, который имел возможность подавать и разъяснять и свои проекты императрице с последующим доведением их Сенату для практической реализации. С первого объявления 7 ноября 1748 г. по 18 августа 1761 г. он выступал в Сенате 145 раз¹¹.

Значимость командования дивизией как военного аспекта деятельности П. И. Шувалова ввиду небольшого числа источников неоправданно принижалась.

При отсутствии в середине XVIII в. военно-административного деления территория России, на которой дислоцировались войска, как отмечал Д. Ф. Масловский, разделялась на пять «дивизионных районов»¹². Крупные воинские формирования, какими являлись дивизии, именовались по местам их дислокации или по фамилиям командиров. Непосредственно в боевой обстановке дивизии именовались по номерам: первая, вторая и т. д. В историографии встречаются тождественные наименования должности: командир, начальник, командующий, аншеф-командующий. Командиры дивизий руководством полками своих соединений, вопросами их строевой выучки, обеспечением повседневной деятельности, подготовки к боевым действиям в основном не занимались. Эти задачи возлагались на командиров полков, имевших в подчинении реальных людей. Как правило, ответственностью за исполнение должности, в современном понимании, большинство командиров дивизий того времени себя не связывали, хотя следует отметить, что и значительными правами в решении каких-либо вопросов они не обладали.

Наиболее часто решались, как отмечал Д. Ф. Масловский, лишь «производство в офицерских чинах до штаб-офицерского чина, распределение назначенных в их распоряжение генералов в должности полковых и бригадных командиров». В основном командир дивизии выступал как передаточное звено между Правительственным Сенатом, Военной коллегией, Конференцией при Высочайшем дворе (с 1756 г. — *В. О.*) и полками через свою военно-походную канцелярию. Не будучи обременёнными организационными и контролирующими функциями, командиры дивизий не несли в должной мере ответственности за положение дел в частях, за их боевую подготовку, строевую выучку, быт и обеспечение. Д. Ф. Масловский опубликовал перечень дивизий периода начала Семилетней войны с местами их расположения, считая, что при формальном значении должности командира дивизии в мирное время «только выдающиеся из начальников дивизий, бригадных и полковых командиров могли иметь полезное влияние на успех строевого образования войск», и отмечал среди первых Петра Ивановича Шувалова¹³.

В сентябре 1751 г. императрицей Елизаветой Петровной был подписан Указ «О назначении жалованным в полные генералы графам Александру и Петру Ивановичам Шуваловым жалования по чину согласно воинского штату и об определении их

к дивизиям в армию аншеф-командующими с надлежащими по их чинам штатами». Это определило новый этап в военной деятельности П. И. Шувалова. В большинстве биографических материалов этот аспект его деятельности отмечался как второстепенный и не более чем одно из проявлений внимания и милости императрицы Елизаветы Петровны. Это давало повод считать, что дивизия, которой он командовал, была «придворной», полученной как очередное пожалование, с упоминанием о её расположении в Санкт-Петербурге и в пригородах столицы.

Изучение архивных и опубликованных источников помогает уточнить место дислокации полков дивизии П. И. Шувалова, увидеть реальность его службы, выполнение им обязанностей командира дивизии. Исследуя этот этап военной карьеры П. И. Шувалова, можно определить состав дивизии и значение этой должности в его становлении как военного деятеля, а также связь с назначением на должность генерал-фельдцейхмейстера.

Обратимся к тексту составленного П. И. Шуваловым «Объяснения о своих заслугах по гражданской и военной части», хранящегося в Российском государственном архиве древних актов (Москва) и опубликованного С. М. Соловьёвым¹⁴. П. И. Шувалов приводил пример своей военной деятельности по внедрению в войсковую практику новых уставов: «дозволено мне в команде моей находящийся *Санкт-Петербургский полк взять в Петербург*» (курсив наш. — В. О.), что позволяет рассмотреть и сведения о расположении частей его дивизии.

Протоколы заседаний Военной коллегии от 12 августа 1753 г. Российского государственного военно-исторического архива содержат список «Как генералы полные по старшинству состоят» и сведения периода начала Семилетней войны о составе генералитета на 18 марта 1756 г., т. е. на начало Семилетней войны¹⁵.

Александр Бутурлин	генерал-адъютант гвардии подполковник	имеет команду над обретающими в Москве полками
Степан Апраксин	гвардии подполковник присутствует в Военной коллегии	присутствует в Военной коллегии
граф Александр Шувалов	генерал-адъютант действительный камергер присутствует в Сенате Лейб-Компании поручик	имеет команду над обретающими в Санкт- Петербурге и около оного войсками

граф Пётр Шувалов	генерал-адъютант действительный камергер присутствует в Сенате Лейб-Компании подпоручик	имеет команду над обретающими в Лифляндии, Курляндии и Эстляндии полками
-------------------	---	--

В докладе Шувалова о состоянии своей дивизии в первые месяцы командования видим реальное знание проблем комплектования и обучения, снабжения вооружением и обмундированием. «Когда я получил в команду дивизию, то заметил людей не токо весьма худо экзерцированных (обученных. — В. О.), но и так великую разницу, что один полк с другими ниже в приёмах согласо делал, а офицеры весьма слабо должности свои исполняли и об нужнейшей вещи, касающейся до марширования и обращения корпусами, худое понятие имели», — писал П. И. Шувалов, понимая, что в первую очередь предстоит поставить на должное место вопросы проведения экзерциций (занятий, учений. — В. О.). Он принимает решение о проведении показательных сборов по обучению представителей от всех полков дивизии: «от всех моих команды полков, хотя и не здесь находились, со всякой роты рядовых и от полку офицера и барабанщика к себе взял, экзерцируя их и приведя в соглашение, в полки отправил, а оные потому и поправились»¹⁶.

Решение кадровых вопросов было одним из важных направлений деятельности Шувалова с первых месяцев вступления в должность командира дивизии. 31 мая 1753 г. он писал в Военную коллегию о необходимости принятия решения по находящимся с 1751 г. на рассмотрении 102 дел, прилагая реестр посланных донесений и рапортов, на которые «резолуции не положено». В октябре 1753 г. сделал повторный запрос в Военную коллегию: «На учинённые от меня в оную коллегию от 1751 г. представления той коллегией резолуции мне не дано».

На его настойчивость Военная коллегия подготовила решение от 3 ноября 1753 г.: «Шувалову послать Указ, в котором написать, что и как ныне поправлено в Военной коллегии оказалось и на какие по реестру есть резолуции».

В ответ П. И. Шувалов, тем не менее, писал: «Из Государственной Военной коллегии получил я указы ноне во всём полные противу моих представлений, а чего ради о том знать мне во оных не додано». Далее следует перечисление рапортов о патентах обер-офицерам Троицкого, Санкт-Петербургского, Рязанского

и Низовского пехотных полков. Шувалов отмечает, что нет решений по спискам Выборгского пехотного полка солдат, аттестованных в болезнях, по отпускам офицеров Белингаузена, Врангеля, генерала В. Лопухина¹⁷.

П. И. Шувалов в своём «Объяснении о своих заслугах по гражданской и военной части» представлял свой доклад «О призвании на убылые места в армию, артиллерию и инженерный корпус...» как «реформу генералитета и штаб-офицеров», которая, «по моему сочинению сделана, чрез что не токмо негодные, но и неспособные выключены, а способнейшие, от которых более успеху ожидать было можно, поступили на их места; сии последние пользу сего с успехом и доказали».

Каково было положение с кадрами офицерского состава и генералитета, можно понять из того, что к увольнению в 1751 г. были представлены по возрасту и болезням 9 генералов, 2 бригадира, 19 полковников и 18 подполковников. Среди них — генерал-лейтенант А. Тараканов — в службе 50 лет; комендант Кронштадта бригадир М. Молчанов — возраст 77 лет, комендант Риги полковник А. Ремезов — возраст 74 года. Формулировки аттестования к отставке: «пришёл в старость и слабость», «стар, дряхл и болен», «за болезнями». В условиях, когда Пруссия неоднократно заявляла о своих претензиях на господство в Европе, опираясь на подготовленную армию, положение дел с составом офицерского корпуса и генералитета русской армии действительно давало основания для беспокойства, но лишь Пётр Иванович Шувалов поднял этот вопрос как командир дивизии.

Необходимые кадровые перестановки в командном составе на генеральских и штаб-офицерских должностях в дивизии Шувалова были произведены. Таким образом, повышение боеспособности армии обеспечивалось не только «исключением неспособных и безнадёжных как генералитет, так и штаб-офицеров», но и выдвижением подготовленных офицеров и генералов, что в определённой степени заслуга Шувалова и одна из причин успехов русской армии в Семилетней войне.

Участие Петра Ивановича в организации обучения артиллеристов дивизии — одно из направлений его деятельности в должности командира дивизии. Он получил в июле 1752 г. разрешение на зачисление «на случившиеся в полках артиллерийских служителей порожние (высвобождавшиеся. — В. О.) места их обучающихся канонирской (артиллерийской. — В. О.) должности

солдат в годы по единожды»¹⁸. В 1753 г. П. И. Шуваловым на базе полков его дивизии были проведены показательные занятия с участием личного состава для Военной коллегии и генералитета. Привлекалось 420 военнослужащих.

Анализ ситуации на прусско-российской границе весной 1753 г. помогает изучить вопросы повышения боеготовности войск, которые решал Шувалов как командир дивизии. Рапортом 19 апреля 1753 г. он докладывал Военной коллегии, что по информации генерал-лейтенанта В. Лопухина «недалеко от Кенигсберга войскам прусским, состоящим в 62 000 назначен компанент (лагерь. — В. О.)». Сообщая об ожидавшемся прибытии короля Фридриха в Кенигсберг для проведения смотра полков, Шувалов просил указаний по порядку действий. Рапортом 23 апреля 1753 г. он подтверждал сведения о назначении лагеря прусским войскам, которым приказано выступить в таком состоянии и в исправности «как бы то военное время требовало», уточняет, что прибытие прусского короля последует в мае. Военная коллегия требует от Шувалова уточнения известий о намерениях прусского командования: с какой целью «в нынешнее лето в Пруссии немалой корпус собирается, магазины (склады. — В. О.) умножаются, для чего запрещён вывоз хлеба, у всех мещан лошади пересчитаны, вербование людей непрерывно продолжается».

Шувалов запрашивает от Военной коллегии приказа: «не изволят ли на первый случай до получения прусского намерения вывести (свои войска. — В. О.) в компаненты, и расположить лагерь, и быть в готовности к движению» и предлагает приблизить полки к границам. В Лифляндию прибавить пехотных полков 3, в Эстляндию 7, чтобы с учётом полков в Курляндии общее количество возросло до 17¹⁹.

Военная коллегия одобряет предложения: «Неизлишне было при российских границах в запасе для всякого нечаянного случая не токмо в осторожности себя содержать, но и достаточной обороны противу какого нападения с той стороны потребные меры взять». В мае следует указание о выводе в лагеря пехотных, кирасирских, драгунских полков и расположении их в готовности к походу. Как командующему дивизией Шувалову были поставлены задачи по ведению разведки, организации несения караулов, выполнению фортификационных работ. В архивных делах — рапорта Шувалова с данными разведки полков, сведения о находящихся в отпусках, о назначениях и перемещениях генералов

и офицеров, переписка о доукомплектовании полков личным составом, подъёмными лошадьми, вооружением. Там же — сведения о выводе в июле 1753 г. в лагерь кавалерийских полков и артиллерии дивизии, об укомплектовании лошадьми и получении провианта, доклады о доукомплектовании полевой артиллерии в Риге, о результатах артиллерийских стрельб²⁰.

В протоколах Военной коллегии за 1755 г. — переписка по рапортам командира «третьей» дивизии генерала П. И. Шувалова о поставках фуража, ремонте крепостей, форпостах драгунских полков, об укомплектовании мундирными и аммуничными вещами, ружьями, шпагами, гранатными и патронными ящиками, лазаретными телегами сформированных гренадерских рот пехотных полков и их подготовке, о подъёмных лошадях, о выходе полков в лагерь, о размещении полков дивизии на зимние квартиры²¹.

С принятием в 1755 г. новых Уставов для пехоты и кавалерии Шувалов участвует в отработке на практике их положений «для установления и обучения новой экзерциции, марширования и эволюции (перемещения. — *В. О.*)». Из состава дивизии им были взяты и обучены подразделения Санкт-Петербургского пехотного (полковника З. Чернышёва) и Лейб-гвардии кирасирского (полковника М. Толстого) полков. На строевых занятиях их выучка была показана Военной коллегии, высшему командному составу армии, находившимся тогда в Москве. В ходе обучения «не токмо способнейшая экзерциция в состояние приведена, — писал П. И. Шувалов, — но эволюции и марши до такого состояния доведены, что по свидетельству Военной коллегии, всего генералитета и высочайшей апробации всемилостивейшей государыни всей армии по тому исполнять повелено и печатные с планами книги (инструкции. — *В. О.*) для того выданы»²².

Одним из направлений внимания командиров дивизий к состоянию дисциплины в подчинённых частях являлась судебная практика. Мы находим примеры деятельности Шувалова в этом вопросе. В 1752 г. он направляет наставление в военные суды подчинённых частей, в котором предлагалось, «чтоб над случившимися в полках преступлениями военные суды отправлялись по содержанию узаконенных прав, со всякой исправностью и самоскорейшим успехом и в определённый по воинскому уставу срок». Командиры полков должны были, разобрав суть дела, прислать материалы на решение командиру дивизии. В приложении

к наставлению были собраны и направлены в части указы, постановления, касающиеся принятия решений по тем или иным правовым вопросам²³.

С началом подготовки к заграничному походу внимание П. И. Шувалова к вопросам подготовки своей дивизии усиливается. Это связано с решением о том, что первоначально основную часть действующей армии в предстоящей кампании составят части дивизии генерал-аншефа П. И. Шувалова. Весной 1756 г. Конференция и Военная коллегия приняли решение о повышении боеспособности армии в целом, чтобы войска «в потребном случае немедленно в поход выступить могли», и приказали: «Полевые пехотные полки, ныне состоящие в дивизии генерал-аншефа и кавалера графа П. И. Шувалова, по наступлению благополучного времени и не позднее половины мая... из нынешних винтер-квартир вывести и расположить в компаненте в способных местах, а именно: в Курляндии — Невский, Ингерманландский, Воронежский, Новотроицкий, Сибирский, Казанский, Нарвский, Белозерский, Ладожский, Черниговский, Углицкий; в Лифляндии и около Риги — Вятский, Архангельский, Суздальский, Санкт-Петербургский, Кексгольмский, Азовский, Вологодский».

19 апреля 1756 г. состоялось назначение П. И. Шувалова главнокомандующим над этими войсками. «Все сии корпусы, как в экстракте Конференции объявлено ныне, в разные места по границе располагаемые, ныне ко единому главному принадлежащие до особого указа поручить в команду генерал-аншефу и кавалеру графу Петру Ивановичу Шувалову, и как они должны быть, так во всем снабдены и удовлетворены, по первому указу не токмо в поход вступить, но и военные операции предпринять могли»²⁴.

Из дивизии П. И. Шувалова большая часть пехотных полков была передислоцирована и впоследствии направлена в заграничный поход.

В 1-й корпус генерала В. Лопухина вошли полки: Киевский, Нижегородский, Воронежский (Курляндия около Митавы), Новгородский, Сибирский, Казанский, Нарвский, Белозерский, Муромский, Невский, Ладожский (Лифляндия, близ Дерпта), Архангелогородский (Эстляндия, Рогервик), Суздальский (Ревель), Смоленский (Нарва), С.-Петербургский (Старая Русса), Кексгольмский (Псков), Вологодский (Великие Луки), Азовский

(Торопец) — на форпосты в Псковской провинции. Черниговский, Углицкий, Вятский (Ревель).

Во 2-й корпус генерала В. Долгорукого — кирасирские полки: Его императорского Высочества (Эстляндия), 3-й кирасирский (Курияндия, Митава), гусарский Сербский (Сольцы и Мшага).

В 3-й корпус генерала М. Ливена — конно-гренадерские — Каргопольский и Рижский (на форпосты от Смоленска до Чернигова), драгунские — Архангелогородский, Тобольский, Нижегородский (на форпосты в Смоленской и Псковской провинции).

В 4-й корпус генерала Ю. Броуна — Бутырский (Петергоф и Красное Село), Ростовский (Стрельнинская мыза), Пермский (Санкт-Петербург).

В 6-й корпус генерала Г. Мещерского — Рославский шквадрон (эскадрон. — *В. О.*), Смоленское шляхетство и два Смоленских гарнизонных полка, Великолуцкий батальон (в Смоленской провинции).

Всего в составе действующей армии было 32 пехотных, 5 кирасирских, 5 конно-гренадерских, 4 драгунских, 4 гусарских полка. Внутри России частей дивизии Шувалова практически не осталось — такой вывод сделала Военная коллегия, получив от него сведения для Конференции.

Само решение о назначении главнокомандующего войсками в заграничном походе министры Конференции предлагали принять императрице: «по своему просвещённому проницанию и премудрости Сами усмотреть изволите, что столь великий корпус, каков для атакования короля Прусского назначен, и особливо сие самое предприятие неминуемо одного фельдмаршала главным командиром и трёх главных генералов требует»²⁵. В списках старшинства и сведениях Военной коллегии о генералитете на начало войны С. Ф. Апраксин следует после А. Б. Бутурлина. Но именно он назначается главнокомандующим русскими войсками в войне с Пруссией. П. И. Шувалов формально, по принципу старшинства не мог претендовать эту должность, хотя по составу отправлявшихся войск имел на это право.

Решения 37-го заседания № 80 Конференции от 9 сентября 1756 г. помогают отметить и окончание периода командования П. И. Шуваловым всеми войсками, «предназначенными к походу, до назначения С. Ф. Апраксина главнокомандующим действующей армией считавшимися под начальством П. И. Шувалова».

С 13 сентября 1756 г. мы встречаем первые распоряжения нового главнокомандующего генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина, принявшего «дела секретныя, касающиеся до похода, от графа П. И. Шувалова». В конце сентября 1756 г. генерал М. Ливен произвёл первые смотры полкам своего конного корпуса и, не зная о назначении нового главнокомандующего, ещё докладывал прежнему «главному командиру» П. И. Шувалову о недостатках в обеспечении конно-гренадерских и драгунских полков. На это донесение 25-го сентября М. Ливену отвечал уже С. Ф. Апраксин²⁶.

Д. Ф. Масловский, рассматривая деятельность П. И. Шувалова, отдавая дань его вкладу в развитие артиллерии в период Семилетней войны, критикуя за стремление решить множество проблем самого различного характера, тем не менее отмечал его в числе «выдающихся из начальников дивизий», «серьёзно и плодотворно заботившихся о строевом образовании временно подчинённых им войск в мирное время»²⁷.

Если отметить, что первой ступенью военной карьеры Петра Ивановича Шувалова можно считать военно-придворную службу в пажах, дававшую основы военных знаний, учившую дисциплинированности, исполнительности, то служба в Лейб-компании была связана с исполнением конкретных обязанностей командира взвода. Должность генерал-адыютанта по выполнению обязанностей дежурства представляется этапом его становления как военного деятеля с расширением военного кругозора и развития организаторских способностей.

Деятельность в должности командира дивизии стала для П. И. Шувалова одним из важных слагаемых опыта его организаторской деятельности в практике руководства комплектованием и обучением, обеспечением войск. Она подготовила успешное выполнение задач в должности генерал-фельдцейхмейстера в годы Семилетней войны.

---

¹ Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Репринтное воспроизведение издания 1840 г. М.: Культура, 1991. Ч. 1–2. С. IV, 305.

² Левшин Д. 100 лет Пажескому корпусу. 1802–1902. СПб., 1902. С. 24–32; Берхгольц Ф. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России. М., 1903. Т. IV. 1724–1725. С. 37; Фрейман О. Ф. Пажы за 185 лет. 1711–1896. Фридригсгам, 1898. С. 5.

- ³ Полное собрание Законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗ РИ). СПб., 1830. Т. XI. 1740—1743 гг. № 8491.
- ⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 475. Л. 4.
- ⁵ Журнал камер-фурьерский. 25 апреля 1742. СПб., 1742. С. 10, 15, 52; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 516. Оп. 1. Д. 7.
- ⁶ Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986. С. 49—64; Андрияинен С. В. Империя проектов: государственная деятельность П. И. Шувалова. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 33; История Правительствующего Сената за 200 лет. 1711—1911 гг. СПб., 1911. Т. 2. 806 с.; Яковлев С. Е. Частно-предпринимательская деятельность П. И. Шувалова и отмена внутренних таможен // Мир источниковедения. М.: Пенза, 1994. С. 88—93.
- ⁷ Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 15. Оп. 1. Д. 82. Л. 94; История Правительствующего Сената за 200 лет. С. 12.
- ⁸ РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2.; Евдокимов Л. В. Журналы дежурных генерал-аdjутантов царствования императрицы Елизаветы Петровны. Повседневные записки генерального Ея Императорского Величества дежурства. Вып. 1. 1745, 1748—1751 гг. СПб., 1897. С. 130.
- ⁹ РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 2.; Евдокимов Л. В. Журналы дежурных генерал-аdjутантов царствования императрицы Елизаветы Петровны. С. 94, 161, 172.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 11. Л. 98—99; Евдокимов Л. В. Журналы дежурных генерал-аdjутантов царствования императрицы Елизаветы Петровны. С. 112, 218—219.
- ¹¹ История Правительствующего Сената за 200 лет. С. 42.
- ¹² Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. 1. С. 74.
- ¹³ Там же. С. 75.
- ¹⁴ Российский Государственный архив древних актов (РГАДА, Москва). Ф. 11. Оп. 1. Д. 316. Л. 3.; Шувалов П. И. Объяснение о своих заслугах по военной и гражданской части // Соловьёв С. М. Россия с древнейших времён. М., 1960. Т. XXII. Прил. 2. С. 586.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 54. Л. 356.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 316. Л. 3.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1156. Л. 1, 55—59.
- ¹⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. АРС. Д. 551. Л. 1—3.
- ¹⁹ РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 54. Л. 82, 88—89 об.
- ²⁰ Там же. Л. 113—116 об., 130—149, 252.
- ²¹ Там же. Д. 56. Л. 1—581.
- ²² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 316.
- ²³ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 601. № 2035. Л. 1—135.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 57. Л. 183, 185.
- ²⁵ Архив князя Воронцова. Из бумаг Елизаветинской конференции. 1756-й год. М., 1871. Кн. 3. С. 405.
- ²⁶ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. С. 35, 160. Прил. 9. С. 1—4.
- ²⁷ Там же. С. 75, 105.